

щины с высшим образованием. В категории от 30 до 39 лет составляет 178 мужчин на 225 женщин с высшим образованием. В категории от 40 до 49 лет составляет 196 мужчин на 212 женщин с высшим образованием. Таким образом, более высокий уровень образования в стране у женщин, а руководящие посты в основном занимают мужчины.

Ещё одной проблемой является "двойная занятость" женщин (материнство и профессиональная деятельность). На домашнюю работу в среднем женщины тратят на 3 часа в день больше времени, чем мужчины, и это не оплачиваемая работа.

Кроме вышесказанного, статистика в Беларуси говорит о необходимости закона о противодействии домашнему насилию, так как по статистике 4 из 5 женщин Беларуси в возрасте от 18 до 60 лет подвергаются насилию. Согласно результатам национального опроса о насилии в семье, за помощью обращаются только 46,8% жертв сексуального и физического насилия, из них только 57,6% обращаются в милицию и только 10% идут к психологу. Уголовный кодекс РБ не дает определения бытового насилия и не относит его в категорию уголовно наказуемых преступлений, в нём не прописана ответственность ни за причинение психических страданий, ни за нанесение побоев [5].

Для изменения ситуации в Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства запланирована «Проработка вопроса о целесообразности принятия Закона Республики Беларусь «О противодействии домашнему насилию» и при необходимости его разработка в 2013–2014 годы». Также планируется «Проработка вопроса о целесообразности принятия Закона Республики Беларусь «Об обеспечении равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в Республике Беларусь» и при необходимости его разработка в 2014–2015 годы [6]. Таким образом, ответственная политика государства позволит обеспечить соблюдение принципа социальной справедливости и продвинуться белорусскому обществу не только к цивилизованному гендерному равенству, но будет способствовать устойчивому развитию страны.

Список цитированных источников

1. Человеческий потенциал РБ / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Мн.: Беларус. Наука, 2009. – 716 с.
2. Доклад о человеческом развитии 2011 г. «Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.developmentandtransition.net/2011-Human-Development-Report-Sustainability-and-Equity-A-Better-Future-for-All.35+M5cb4a322205.0.html>.
3. Для современных белорусок образование важнее замужества / «Комсомольская правда» в Белоруссии, 7 марта 2012 г.
4. Лукашенко: доверяю женщинам больше, чем мужчинам / «Комсомольская правда» в Белоруссии, 7 октября 2011 г.
5. Кто страдает от неравенства мужчин и женщин в Беларуси? // Резонанс, 18.11.2011. – № 89(1507).
6. Об утверждении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в РБ на 2011–2015 гг. / Постановление Совета министров РБ от 16 августа 2011 г. № 1101. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21101101&p2={NRPA}>.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Бурак Т.В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Глобализационные процессы, техногенные катаклизмы и социальные конфликты стали в современном обществе главными факторами внутри- и межкультурного диалога. Основу коммуникации культур составляет система знаний, норм и ценностей,

правил и моделей поведения, интернализированных в рамках определенной культуры, а также осознание границ «свое-чужое», «инаковости» во взаимопонимании между группами «Мы» и «Они». Расширение границ социокультурной коммуникации и возникновение новых ее форм приводит к развитию определенных социальных последствий. Прежде всего, это кризис идентичности в информационном обществе, который проявляется в кратковременности идентификаций, искаженной фиктивной идентичности (И. Гофман), одномерности мышления в обществе потребления (Г. Маркузе), множественности обрывочных и бессвязных образов, представлений, блип-культур (А. Тоффлер). Пространство межкультурных интеракций наполнено не только усвоенными знаниями, социальным опытом, общепринятыми нормами и правилами поведения, но и социальными страхами, мифами и стереотипами, фантомами и мистификациями. Производство и воспроизводство подобных установок маркирует дистанцию между «нормальностью» и «ненормальностью», поддерживает социальные взаимозависимые различия (в категориях «мы» и «не такие как мы») и тем самым фреймирует повседневные коммуникации.

В межкультурных интеракциях особое значение приобретает способность субъектов в условиях различия культурного контекста организовывать презентацию и интерпретировать коммуникативное поведение друг друга. Коммуникант является носителем некоторой культурной идентичности, она в свою очередь обуславливает способы восприятия, кодирования, декодирования и трансляции информации о мире. Понимание, недопонимание и полное непонимание субъектом взаимодействия смыслов иной культуры во многом определяют успех коммуникации. В межкультурных интеракциях возникает необходимость соблюдения правила коммуникативной целесообразности, выбора формы, уместной условиям и целям общения. Если партнеры по взаимодействию социализированы в одном культурном контексте и интерпретация осуществляется в общей системе знаков и символов, то целесообразность зависит от функционального стиля речи, социальных различий, от коммуникативных задач и целей.

Исследования феномена межкультурной коммуникации требуют комплексного анализа, объединения усилий разных наук (психологии, социальной антропологии, культурологии, социологии, лингвистики), что приводит в свою очередь к возникновению таких междисциплинарных подходов, как социолингвистика, лингвострановедение, этнолингвистика, психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвосоциопсихология, лингвокультурология.

Анализ состояния межкультурных коммуникаций обращает внимание на один из наиболее значимых аспектов социальной реальности, охватывающий практики повседневности. Повседневная жизнь не противопоставляется праздничному, элементарному, публичному миру, а охватывает разнообразные формы активности, ежедневные и сакральные, торжественные, привилегированные и массовые, частные и публичные [1, 24].

Повседневные межкультурные взаимодействия включают многообразные рутинные действия людей, нормы и правила этих действий, способы их социокультурного воспроизводства, механизмы и каналы трансляции не осознающим действующим субъектом либо понимаются как нечто само собой разумеющееся. В ситуации повседневной коммуникации определяющий признак – участники события и их количество, наличие которых устанавливает тип и форму интеракции. Феномен сопresутствия вовлекает эмоции, тело, экспрессию, действия субъектов повседневной ситуации в процесс позиционирования относительно друг друга, поддерживает обязательства взаимной ответственности в сохранении порядка интеракции и проявлении своего присутствия. Эмпирическое многообразие обыденных событий представлено также и коммуникациями с условным сопresутствием ее участников, например, в случае телефонного разговора или обмена сообщениями в интернете. Характерно, что здесь

отсутствует явное разграничение между самой ситуацией непосредственного общения и событиями за ее пределами, между непосредственными участниками и неучастниками. В связи с данным обстоятельством еще одним признаком повседневного события становится присутствие свидетелей или актуальных «зрителей», на первый взгляд, не обращающих внимания на происходящее, но на самом деле сосредоточенных на действиях непосредственных участников. В присутствии «анонимных участников», например в лифте, в ресторане, мы приглушаем голос, не рассматриваем пристально, принимая в расчет их «вовлеченность». Повседневная жизнь происходит в социальном контексте или контекстах, между которыми люди постоянно перемещаются, символически подчеркивая изменение контекста через «ритуальные переходы». События повседневной жизни имеют локализации, конфигурацию событий (брак, крестины, семейный ужин, покупки и др.), процедуры и временные границы, типичные для разных контекстов. Социальные ритуалы придают событиям символическое измерение, подчеркивают значение того, как что-то делается (церемония бракосочетания, ухаживание). Они вплетены в некоторую систему знаков, поддерживая ощущение разделяемой действительности. В повседневной ситуации присутствует также некоторая театрализация, с соблюдением правил презентации и воздействия на восприятия других (в терминологии И. Гофмана – «управление впечатлением»), со стремлением убедить всех участников в правдоподобности текста интеракции [1, 24-30].

Основными направлениями изучения сторон повседневности межкультурного общения в современной социологии являются исследования разговорных практик, встреч, интернет-взаимодействия, пространства, путешествий, социальных аспектов тела и эмоций, вещей.

В современном обществе распространенный характер обретают новые средства массовой коммуникации, вовлекающие в коммуникативный процесс широкую аудиторию, соединяющие в единое целое информацию о состоянии мира и развлечение. Характерное для современного города доминирование потребительских практик приводит к формированию публичных мест, в которых осуществляются, помимо покупок, самопрезентация и встречи, наблюдение за окружающими, устанавливаются групповые границы и различия стилей жизни. Это своего рода социокультурные поля, в них складываются взаимодействия большого количества разнообразных субъектов, основанные на отношениях купли и продажи. Если до XIX века публичные торговые коммуникации имели форму «повседневного театра» (термин Р. Сеннетта), где происходило непосредственное взаимодействие покупателя и продавца, то в условиях огромных торговых центров и торгово-развлекательных комплексов утрачивается эффект повседневного «напряжения», а вовлеченность обретает созерцательный характер, наряду с отношениями потребления реализуются практики развлечения, блуждания, «глазения», наблюдения за окружающими [2, 52].

Благодаря масс-медиа коммуникация между культурами превращается в новую реальность, где создается традиция «интеркультуры», стремящейся к единству в разнообразии и сокращению разрыва концептов «свой» и «чужой». В современном обществе неуклонно возрастает значение коммуникативных практик с использованием различных информационно-коммуникационных технологий – взаимодействие посредством мобильного телефона, блоги, форумы, социальные сети и т.п. Вопрос о социальных последствиях новых форм коммуникации становится актуальным в пространстве социологического анализа. Американский социолог Г. Рейнгольд вводит понятие «умная толпа», чтобы показать масштабы социального эффекта массового распространения мобильных технологий. «Умные толпы» как новые общественные формы, организации, «интеллектуального сотрудничества» образуются благодаря комплексу «вычислительных средств, связи, системы репутаций и знания своего местонахождения»

[3, 241-248]. Они «состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга» [3, 8]. Эта организация людей и их коммуникативных устройств образует социальные связи, усиливающие неосознаваемый обмен информацией. Мобильные устройства становятся средством повседневного общения с окружающими и организации коллективного действия.

Особое значение в межкультурной повседневной коммуникации приобретают спонтанные аспекты, основанные на воображении, образных представлениях, эмоциях, экспрессии тела, лица, звуков. Участники вынуждены для поддержания целостности убедительной презентации перманентно осуществлять параллельно с действиями контроль над своим телом, в первую очередь лицом («работа лица»). Эмоции – это своего рода коммуникативные средства понимания происходящего. Позиция и образ участника обыденной интеракции определяется другими присутствующими через аффективные проявления. В повседневной межкультурной коммуникации, помимо разговорного языка участвует и язык тела: жесты, мимика, позы, коммуникативные маркеры пространства. Интеракция выполняет эмотивную функцию, являясь способом непосредственного выражения чувств и основана на способности «применять» эмоции, учитывая их уместность и соответствие социальным ожиданиям [4, 17]. В данной области социологический анализ в наибольшей степени пересекается с разделами семиотики (лингвистикой, кинесикой и проксемикой).

Эмоциональные состояния подлежат интерпретации, что приводит к возникновению особых механизмов передачи знаний о значениях эмоций в типичных контекстах (своего рода «тезаурус чувств»). Каждой эмоции присваиваются культурно одобренные лингвистические ярлыки, с помощью которых люди описывают и интерпретируют эмоциональное состояние. Возникновение лингвистических эмоциональных ярлыков обусловлено наличием общего опыта, способностью обращать внимание на существенные моменты взаимодействия и восприятием эмоциональных единиц. «Словарь» эмоций, несмотря на широкий диапазон, значительно беднее, чем эмпирическое многообразие внутренних ощущений [4, 16].

Иной пласт повседневности – экзотическая повседневность – обнаруживает себя в рамках анализа феномена путешествий. В этой области возникают вопросы о наложении слоев повседневности и неповседневности туристического выезда, о развитии новых форм туризма, о способах конструирования пожеланий и предпочтений, образов путешествия и территории, о роли фото- и видеосъемки в путешествии как способов визуализации социального пространства коммуникаций. К. Подемски выделяет несколько теоретических подходов к изучению феномена путешествия в социологии: путешественник как чужой (Tz. Todorov), путешествие как форма культурного контакта (G. Hofstede), массовый туризм как продолжение колониализма (L. Turner), странствование как поиск идентичности (V. Turner), семиотический подход (D. MacCannell), путешествие как визуальное потребление (J. Urry, Ch. Rojek), многообразие социальных ролей путешественника (Ph.L. Pearce), маджиснеизация (J. Baudrillard, G. Ritzer, A. Liska), туризм как метафора нашего времени (D. MacCannell, Z. Bauman) [5]. Социологический аспект изучения путешествия как повседневной практики предполагает изучение специфики и структуры образов путешествий, связей моделируемого образа путешествия и образа территории, социальных условий и направлений туризма, поведения и мотивации людей в зависимости от возраста, национальности, социального положения, образования, места проживания, культурных установок. Среди характерных тенденций в области путешествий выделяется изменение потребностей от ожиданий необычного и эмоционального культурного опыта, знакомства с исторической и природно-эстетической реальностью к стремлению ознакомления с другими культурой, бытом, обычаями и традициями.

Современный мир в процессе глобализации миграционной, экологической и культурной обретает черты целостности и характеризуется тесным взаимодействием культур и их традиций. Комплексный подход к изучению межкультурных коммуникаций охватывает различные аспекты вербального и невербального поведения, восприятия, понимания и обратной связи культур в контексте быстро меняющегося мира. Междисциплинарные исследования межкультурного взаимодействия позволяют ответить на вопрос о том, как различные культурные общности развиваются по внутренне присущим им законам, взаимодействуют и влияют друг на друга в процессе межкультурной коммуникации. В едином информационном пространстве общество осознает, что надо учиться вести диалог, не только ради изучения и понимания другого, но и для осознания самого себя.

Список цитированных источников

1. Sztompka, P. *Życie codzienne – temat najnowszej socjologii* // *Socjologia codzienności*. – Kraków. – 2008. – s. 15–53.
2. Желнина, А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // *Laboratorium*. 2011. – № 2. – С. 48–69
3. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.
4. Горбунова, М.Ю. Эмоции как объект социологических исследований: библиографический анализ / М.Ю. Горбунова, Л.А. Фиглин // *Социологич. исследов.* – 2010. – № 6. – С. 13–22.
5. Podemski, K. *Socjologia podróży*. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM. – 2004. – S. 366.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Ценностные ориентации личности – это многозначное междисциплинарное понятие, в трактовке которого существуют различные варианты в зависимости от исследовательской позиции мыслителя. Понятие ценностных ориентаций зачастую элиминируется из научного исследования путем поглощения более устоявшимися понятиями, традиционно применяющимися для характеристики ценностно-смысловой сферы человеческого поведения, а между понятиями «ценностные ориентации», «потребности», «мотивы» и «смыслы» и вовсе не проводятся различия – данные понятия применяются как тождественные. Поэтому для определения статуса ценностных ориентаций в структуре личности необходимо провести четкие границы между этим важнейшим фактором личностного бытия и потребностями, мотивами, установками личности, а также ее социально-ориентированными убеждениями.

Ценность не является предметом потребности или мотивом, поскольку имеет социальный характер, а во внутреннем психическом пространстве личности выполняет интегрирующую функцию. «Ценностная ориентация есть целостное переживание человеком мира, в котором проявляются все формы возможного мироотношения. Ценность целостна и синтетична», – отмечает И.И. Докучаев [1; с. 72]. Интегрирующий характер ценностной ориентации находит различные формы выражения. В первую очередь ценностная ориентация взаимосвязана с познавательной активностью человека, поскольку оценка невозможна без познания объекта. Оценка формирует отношение к объекту ценностного стремления в виде непосредственного преобразования, нейтрализации или избегания, то есть определенной деятельности. Кроме этого, ценностная ориентация является еще и переживанием, оснащенным всем многообразием психических проявлений. «Ценность нельзя просто познать, эмоционально воспринять или избрать предметом стремления. Все это грани единого ценностного пе-